

А. Д. Люблинская

ИНОСТРАННЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОНДЫ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Публикация Л. Б. Вольфцун



А. Д. Люблинская

Имя Александры Дмитриевны Люблинской (1902 — 1980) занимает видное место в отечественной науке¹. Она известна как крупный ученый по истории Франции, специалист по вспомогательным историческим дисциплинам, автор первого в России учебного пособия по источниковедению средних веков². Созданием своих трудов по истории, палеографии и источниково-

ведению Люблинская во многом обязана прекрасной школе работы с рукописями, которую она приобрела под руководством О. А. Добиаш-Рождественской в Публичной библиотеке. Кроме того, сама она неоднократно отмечала, что неоценимую помощь в исследованиях оказало ей знание иностранных исторических фондов библиотеки.

За восемь лет (1922 — 1930) службы в Отделении истории, куда Люблинская пришла сразу по окончании Петроградского университета, она освоила весь цикл работ — обработку и шифровку литературы, ее расстановку и выдачу, справочное обслуживание читателей. Она участвовала также в составлении систематического каталога и подготовила разделы по истории Англии, Скандинавии, Америки, по вспомогательным дисциплинам и географии, — что позволило ей хорошо узнать состав и структуру иностранного исторического фонда. И хотя основная деятельность Люблинской в библиотеке была впоследствии связана с Отделом рукописей, она никогда не переставала уделять внимание историческому книжному фонду.

Когда в ноябре 1943 года, уже по возвращении из эвакуации, Александра Дмитриевна вновь приступила к работе в Публичной библиотеке, она стала заведовать Иностранным книжным фондом. Мотивы этого назначения сама Люблинская объяснила в письме к А. Х. Вольперу³ от 1 февраля 1944 года: «Вы спрашиваете, почему я взялась за иностранный фонд. По приезде я попросила у Е. [лены] Ф. [илипповны Егоренковой]⁴ неделю сроку для того, чтобы ориентироваться в состоянии Библиотеки и решить, что мне лучше делать. Разумеется, в первую очередь я занялась архивами, полученными за время войны. Но они такого рода, что часть их вообще очень мало интересна, с обработкой же другой части, более ценной, вполне можно подождать лучших времен. Между тем, иностранный фонд после смерти Банка⁵ остался без хозяина, в нем только 5 человек и один в иностранной отметке. Больше же всего у меня болела душа за иностранный фонд истории, который был в свое время убран из 12[-го] и 14[-го] залов (где были научные читальные залы), распахан по разным углам, а незадолго до войны снят и из 32[-го] и 33[-го] залов (где делались внутренние перекрытия). Словом, он почти весь в „нетях“, в пачках, в самом жалком состоянии. / Я и решила, что Библиотеке гораздо нужнее будет моя работа на этом участке, и взялась за него. Надеюсь, что мне удастся многое привести в порядок еще до переезда в Л[енинград]-д научных учреждений. Но надо торопиться, т. к. Университет должен вернуться уже в мае. / Разумеется, я ничуть не отказалась от своей специальности и вернусь к своим рукописям, как только они сюда придут. По-маленечку работаю над докторской диссертацией, но очень мало времени остается для нее»⁶.

В августе 1944 года Люблинская вернулась в Отдел рукописей, где начались тогда прием эвакуированных фондов и разбор архивов, поступивших в годы войны. Продолжила она и работу над докторской диссертацией «Социально-экономические отношения и политическая борьба во Франции в 1610 — 1620 гг.»⁷ Эта диссертация писалась в значительной мере по рукописным и печатным источникам, хранящимся в ГПБ, — их анализу Люблинская посвятила одну из глав своего исследования.

Сознавая огромную ценность фондов Публичной библиотеки и желая привлечь к ним внимание научной общественности, Люблинская в конце 1944 года выступила по этому вопросу в печати⁸, а позже, в мае 1945 г., сделала публикуемый здесь доклад.

Необходимо отметить, что забота об исторических фондах не оставляла Люблинскую и в последующее время, особенно когда она в течение года (с октября 1945 г. по октябрь 1946 г.) была заместителем директора ГПБ по научной части. Сохранились некоторые ее служебные записки, конспекты и тезисы выступлений, в которых много внимания уделено развитию иностранного фонда. В докладе на заседании партийно-хозяйственного актива при дирекции 31 января — 1 февраля 1946 года о перспективном плане развития библиотеки на 1946 — 1950 годы⁹ Люблинская отвела большое место проблеме повышения квалификации работников и необходимости изучения иностранных языков. Особенно она акцентировала внимание на рекаталогизации иностранного фонда и прежде всего — разделов по истории и периодическим изданиям. «Рекаталогизация иностранного фонда является насущным делом. По 1922 г. иностранный фонд не отличался от русского, и его хорошее состояние, знание его обеспечивалось наличием таких работников, как Лозинский, Яковкин, Шишмарев, Радлов и другие. Эти сотрудники выбыли. После 1922 г. положение резко ухудшилось. До 1934 г. производились большие польские работы¹⁰, запутавшие иностранный фонд, в корне нарушившие систему его хранения. В 1930 г. фонд был обезличен, отделения его были лишены своих руководителей, фонды еще более запутались, каталоги были механически свезены в одно место, работники не знали состояния фондов. В некоторых частях фонд особо запутан, однако имеются такие части, которые, не являясь актуальными, не нуждаются в активизации их, в переработке, но такие части, как фонд истории, требуют срочной рекаталогизации. Эта часть иностранного фонда запутана безнадежно и совершенно непригодна по своему наличному состоянию для обслуживания читателей-историков. Фонд много раз переставлялся, до сих пор не расставлен полностью, систематизация невозможна, а фонд исключительно ценен»¹¹. Работа по рекаталогизации, которую Люблинская считала одной из первоочередных, началась лишь

много позже и не закончена по сей день. Говоря в том же докладе о перспективах развития, она останавливалась и на состоянии рукописных фондов. «Отдел рукописей — государство в государстве, но его состояние соответствует 50-м годам прошлого [(то есть XIX)] столетия. Система работы Отдела рукописей сейчас уже не удовлетворяет: фонды до сих пор полностью не раскрыты, <...> многие фонды неизвестны еще самой Библиотеке <...>. Исключительно необходимо описание всех наличных материалов, а не от случая к случаю»¹².

Позднее Люблинской была подготовлена обширная докладная записка по поводу обработки и инвентаризации трофейных рукописей, поступивших в библиотеку после Великой Отечественной войны.

В 1948 году, незадолго до своего вынужденного ухода из библиотеки, Люблинская, к тому времени главный библиотекарь Отдела рукописей, обратилась к директору ГПБ Л. Л. Ракову¹³ с докладной запиской. Это обращение было вызвано разработкой плана реконструкции библиотеки, который касался и иностранного книжного фонда. Комиссия, оценивавшая состояние фонда, нашла его неудовлетворительным, и в докладной записке Люблинская выразила свое несогласие с выводами комиссии. Она написала о том, что огромный иностранный книжный фонд нельзя рассматривать «как нечто однородное по своему качеству» и что ценность различных его коллекций неравнозначна. Люблинская считала, что к фондам должен применяться дифференцированный подход, что необходимо привести в порядок отделенческие каталоги, шкафные описи, вспомогательные картотеки. В своей записке, которая сохранилась не полностью, она написала об историческом фонде, вновь подчеркивая его особое значение для исторической науки: «Научное значение этого фонда очень велико. Он является единственным в СССР фондом старой исторической книги (XVI — XVIII вв., т. е. той книги, которая для исторической науки *не устаревает* вообще). Для всеобщей истории до XIX в. этот старый книжный фонд является ценнейшим историческим *источником*. Иными словами, помимо материала для истории исторической науки (историографии), эти книги дают материал и фактического характера и потому исследуются и изучаются при любой постановке вопросов всеобщей истории до XIX в. Далее, фонд исторической литературы XIX в. также является единственным в СССР по полноте и систематическому комплектованию монографиями, периодикой, сериями и изданиями источников. В части материалов, изданных в XX в., ГПБ уступает первое место комплексу московских библиотек (им. Ленина, ИМЭЛ, ФБОН, Исторической, МГУ), но превосходит каждую из них в отдельности (за исключением литературы 1930-х годов и послевоенного периода)»¹⁴.

При этом Люблинская отметила тяжелое состояние фонда, вызванное разными причинами. «Каталог отличается тем, что порой дает неверные шифры (речь идет не об ошибках, свойственных любому, даже совершенному каталогу, и происходящих от ошибок внимания, но о путанице, создавшейся в результате главным образом изъятий в связи с польскими работами), и эти неверные шифры нельзя выяснить при обращении к шкафным описям. Из вышесказанного ясно, что шкафные описи нуждаются в проверке. Для приведения в соответствие их с каталогом и в целях охраны необходима тщательная документальная проверка всего фонда»¹⁵.

Люблинская отметила, что проверка, которая уже была начата, идет в недостаточном объеме и слишком медленно; что проверена лишь форматная расстановка (поступления 1930-х и 1940-х годов) и наименее запутанные фонды преимущественно XIX — XX веков (залы 26, 32, 33). Что же касается самой сложной части, литературы XVI — XVIII веков, то проверка ее почти не коснулась, тогда как именно эти книги должны быть наиболее тщательно выверены. Их коснулись и польские изъятия, и многочисленные перестановки, и в результате часто встречаются случаи наличия двух книг на одном шифре или несоответствия шифра месту нахождения. Люблинская предлагала форсировать документальную проверку, «*доведя ее непременно до конца, т. е. до полной ликвидации всех встретившихся ошибок*», и таким образом привести фонд в порядок без полной его инвентаризации, что, видимо, предполагалось.

Нам кажется, что соображения А. Д. Люблинской по поводу иностранных исторических фондов интересны не только с библиотечной точки зрения, но и как взгляд широко мыслящего историка, осознающего смысл и огромную ценность книжного богатства Публичной библиотеки для исторической науки в России.

<...> Я меньше всего хотела бы утомлять ваше внимание перечислением различных имен, названий, коллекций, собраний и так далее. Обычно и имена и названия проскальзывают в памяти слушателей, оставляя у специалистов количественное впечатление, которое в качественное свое выражение переходит в форме смутного почтения к замечательным собраниям, но которое в большинстве случаев не определяется какими-то точными данными и потому скоро забывается.

Мне хотелось бы сегодня не столько описывать наши фонды, сколько разъяснить их значение для того огромного труда, который предстоит всем советским историкам по их изучению и использованию.

То, что для доклада выбраны иностранные исторические фонды, книжные и рукописные, не случайно. Говорить вообще обо всех исторических фондах, включая и русский фонд, невозможно в одном докладе. Следовало бы это разделить на ряд отдельных сообщений. Что касается русского исторического фонда, который находится в общем составе, огромном составе русских книг, это — наиболее полный русский фонд во всем мире. Этим все сказано. Характеризовать его отдельные части было бы, может быть, методологически неправильно. Что же касается нашего исключительного, единственного в мире собрания книг о России — «Россика», — на эту тему есть особый доклад на нашей сессии¹⁶, и потому я могу ее оставить в стороне.

Таким образом, в центре внимания у нас иностранный исторический фонд, огромный миллионный фонд, не имеющий себе равного в собраниях советских библиотек. Прежде, чем перейти к описанию его состава и его истории, мне хочется привести несколько основных положений, которые определяют его роль.

У всякого человека и у всякого ученого бывает такой период, — и чем более замечательный ученый, тем меньше этот период, — когда все, что он делает и чему он учится, имеет лишь субъективное значение, которое в дальнейшем перерастает и в объективное значение. То же самое бывает и с некоторыми науками, когда они вырастают до того момента, что становятся закономерными явлениями в данной отрасли.

Если мы будем рассматривать нашу русскую историческую науку до 1917 года, мы увидим, что очень быстро после краткого периода освоения огромного наследия, уже организованного в те поры во всеобщую историю Европы, историю Запада, русские ученые переходят к самостоятельной исследовательской работе в этой области, которая, казалось, была им более чужда, чем история родной страны. Параллельно исторической науке, посвященной России, выходит на международную арену всеобщая история, которая создается трудами русских ученых. У нас в Москве, в Петербурге трудами замечательных историков, талантливейших ученых, создаются не просто исследования, но целые школы, которые очень быстро завоевывают себе не только признание на Западе, но которые своими трудами входят очень серьезными вкладами в общую науку, посвященную той или иной стране.

Достаточно назвать историю Англии, которая так успешно начинает разрабатываться в Московском университете¹⁷, достаточно назвать имена Савина¹⁸, Виноградова¹⁹ и теперешних московских профессоров для того, чтобы отчетливо представить себе, что эта часть истории, разрабатываемая русскими учеными, представляет собой ценный вклад. Профессора Успенский²⁰

и Васильев²¹ вписали, может быть, самые блестящие страницы в византиноведение. И чем дальше, тем все больше увеличивается эта часть, которая вкладывается русскими учеными во всеобщую историю.

Не буду говорить о специфических явлениях, которые определяют тематику этих работ; важно только отметить как факт это ощущение совершенно нераздельной связи русского народа со всей мировой историей, которое нашло свое отражение в формулировке Достоевского в его речи о Пушкине²². Это вообще сказалося в том вкладе, который русские вложили во всю мировую науку.

После Октябрьской социалистической революции задачи советской исторической науки еще больше углубились, а во многих областях появились впервые.

Энгельс в одном из своих замечательных писем писал, что всю историю нужно изучать заново, потому что только теперь, с середины XIX века, под нее начинают подводить серьезную базу экономических и социальных исследований, которые до той поры полностью отсутствовали. И советские историки этот лозунг восприняли с полным чувством ответственности.

Мы не только всю историю должны изучить заново, но мы не можем использовать просто все то, что сделано европейской буржуазной наукой до сих пор, и поэтому всякое мероприятие, даже составление учебников для средней и высшей школы, представляет собой задачу огромной важности, потому что не только заново мы должны осмыслить весь исторический процесс, но и заново *обработать* огромное наследие буржуазной науки, которое находится в наших руках. Таким образом, мы <...> должны изучать не только свою собственную историю, в чем в основном заключается задача любых национальных историков, но и взять на свои плечи огромное построение марксистской науки всеобщей истории. Эта наука в основном базируется на книге. Для историков книга — это все. Это и лаборатория, это и огромные просторы мира для естественных наук. Только через книгу история может быть оживлена и претворена в научное исследование. Но наша библиотека не может и не должна собирать всю крупнейшую миллионную продукцию иностранной печати. При этом она еще — библиотека универсального, не специализированного типа. Следовательно, может ли она вообще быть базой для всех задач частных и больших, которые я обрисовала? Может, и не только может, но служила и будет служить успешно и достаточно хорошо. Конечно, не *вся* крупнейшая масса того, что мы называем исторической книгой, книгой, посвященной истории и смежным ей дисциплинам, представляет собой обязательный материал для историков. Книги, в которых

историк действительно нуждается и без которых он не может обойтись, должны быть охарактеризованы в своих основных линиях.

Во-первых, это — источники. Без источников не может быть никакого исследовательского труда и особенно того исследовательского труда, который лежит на нас.

Во-вторых, это — справочники. Каждый историк не должен изучать все с начала, но должен сразу встать на плечи своих предшественников. В этом отношении требуется знание всего огромного справочного аппарата, и не только знание, но и использование его каждую минуту, каждый день.

Третья группа — монографии. Мы не можем обойтись без исследований буржуазных историков — и не только потому, что там есть интересные, важные, умные книги, но и потому, что книги исследовательского порядка для нас и есть тот самый материал, с которым мы работаем. Пусть этот материал иногда бывает искажен в книге и принесен в жертву неприемлемым для нас взглядам и воззрениям, но все же каждая такая книга представляется нам с точки зрения исследования важной и нужной.

Четвертая группа — периодическая литература, то есть те новые, свежие журналы, которые доносят до нас трепет научной мысли всех наших коллег на Западе. Без этого мы превратились бы в провинциальных исследователей, которые часто повторяют зады и открытия которых могут вызвать усмешку со стороны специалистов, потому что для науки выводы были бы делом прошлого. Словом, периодика так же, как и монографии, и даже больше, связывает нас с биением пульса научной мысли за границей.

Из этих четырех групп складывается тот обязательный аппарат, который должен быть в руках каждого историка-исследователя. Полнота этого аппарата в отдельных частях не обязательна. Мы можем отказаться от ряда монографий, обойтись без некоторых специальных книг, без источников, которые были повторены и были изданы лучше и более совершенно. Мы можем обойтись без старых справочников или справочников, имеющих не полную ценность. Но полнота совокупности этих разделов обязательна, так как без этого вы можете попасть в невыгодное, даже катастрофическое положение. Но все это может быть и в любой новой библиотеке. Источники можно приобрести. Справочники самые лучшие и новые в большинстве случаев имеются в достаточном количестве. Следовательно, у нашей библиотеки могут быть соперницы в лице многих московских и ленинградских библиотек, которые недавно начали собирать свои исторические фонды.

Но есть одна особенность в исторической книге, которая именно нашу библиотеку выделяет из ряда всех прочих советских библиотек. Это то обстоятельство, что историческая книга не устареет. Очень быстро устаре-

вают медицинские книги, технические книги; они действительно каждый год откладываются в разряд отработанных материалов, которые потом постепенно становятся фондом для *истории* науки. Огромные эти фонды хранятся в отделениях иностранных книг, посвященных технике и медицине и представляющих огромную ценность именно для истории медицины и техники. Но ни один врач или инженер, которые работают над задачами сегодняшнего дня, к ним не обратятся.

Другое дело книга историческая. Она устаревает только в ничтожной степени. Это не значит, что любая историческая книга осуждена на бессмертие. Плохие работы или недостаточно продуманные откладываются и на столах не появляются, но таких книг мало по сравнению с огромным количеством книг, которые нам остались от XVI — XIX веков.

Дело в том, что это часто и не исторические произведения, как таковые, но такие книги, которые в свое время никакой истории не служили, а представляли собой продукт эпохи, причем в такие периоды, которые были ареной для очень сложных конфликтов, эпохи больших столкновений. Эта книжная продукция представляет собой неповторимый по своей ценности, непревзойденный по своему значению исторический материал.

Кроме того, то, что писалось тогда как историческое сочинение, что имеет вид огромных старинных фолиантов, не всегда легко прочесть, оно часто загромождено хламом. Тем не менее, от этих материалов нельзя отказываться, и в первую очередь историкам, потому что в этих ценнейших книгах часто скрыт такой материал, которого в СССР больше нигде нет, кроме как в Публичной библиотеке, и который необходим для исторических исследований.

Вот этот ценнейший фонд старых материалов представляет собой огромную ценность. Он имеется и в европейских библиотеках, и у нас, и то, что находится у нас, имеет исключительное значение. Наш исторический фонд не ограничивается только той частью, которая носит специальное название Отделение истории²³, но он разбит по всем иностранным фондам, за очень редким исключением. По своему количеству он превышает миллион. Я не могу сказать точную цифру, — думаю, что никто этого не скажет, — а если сюда включить и экономику, и право, и отдельные другие вопросы, то это действительно вещи, вообще не поддающиеся учету.

Здесь нужно учесть еще один очень важный момент. Дело в том, что когда наш книжный иностранный фонд начал подвергаться систематической расстановке и обработке, само понятие о смежных с историей науках было настолько спутано в головах библиотекарей, что получился значительный па-

раллелизм, который существует между нашими разнообразными собраниями и мешает выделить исторический фонд в одно компактное целое.

В нашем юридическом отделе (или отделе социальных наук)²⁴ имеется огромное количество материалов, отражающих историю административно-судебных учреждений, то есть материалы по своему составу чисто исторические.

В нашем отделе культов²⁵, который многим представляется ненужным богословским отделом, отделом богословских книг, имеется огромное, замечательное по своему количеству и качеству собрание по истории церкви и ее реформе. Ни один историк, занимающийся историей XV — XVII веков, не может обойтись без этих фондов.

То же можно сказать и об отделе философии, и об отделе полиграфии¹⁰, в котором хранятся иностранные газеты, то есть материалы, представляющие исключительную ценность для историков.

Отдел славяки²⁷ посвящен истории славянских народов, теме для нас особенно актуальной и важной. Он представляет собой неповторимый, единственный в Союзе фонд. История его накопления и характеристика его состава настолько интересны и замечательны, что сегодня в своем докладе я не могу уделить им места. Это — совершенно специальная тема.

После этой общей характеристики разрешите перейти к нашему фонду в целом. Прежде всего, наличие этого огромного запаса, многотысячного запаса старых исторических книг объясняется тем, что наша библиотека получила в начале своего существования, в конце XVIII века, замечательную библиотеку, собранную по инициативе частных лиц — братьев Залуских. Она вошла в состав нашей библиотеки как трофей суворовских войн. Эта библиотека представляла собой в XVIII веке явление исключительного порядка.

Оба брата — крупные вельможи Польского государства, страстные библиофилы — обладали не только знанием книги, но и энциклопедическими знаниями по всем наукам. На историю они обращали особое внимание.

История этой библиотеки осталась не написанной²⁸, и наш долг ее написать. Из тех отдельных данных, которыми можно располагать, ясно, что у братьев Залуских существовала разветвленная агентура на всех книжных рынках, и особое внимание уделялось и ими и их агентами именно той литературе, о которой я говорила, именно — публицистике. Маленькие, невзрачные книжки, которые часто помечаются фантастическими годами и при этом изданы так, чтобы обмануть бдительность государственной полиции и партии прогивников, в этой библиотеке насчитываются сотнями и тысячами и относятся к таким важным эпохам, как реформация, как крестьянские вой-

ны в Германии, как гугенотские войны во Франции, как английские революции и первая и вторая, и всему прочему, что было связано с этими социально-политическими конфликтами XVI и XVII веков. Вот эти книжки, которые очень часто не упомянуты в национальных библиографиях, которые вообще имеются в каком-то считанном количестве экземпляров, имеются и у нас. Очень часто эти материалы у нас имеются в совершенно невероятном количестве. Если вы встречаете о каком-нибудь таком издании пометку «редкая книга», то это не значит, что вы не найдете в нашей библиотеке ее в четырех-пяти-семи экземплярах, с переизданием, с пометками, которые принадлежали небезызвестным лицам.

Все это придает этому фонду совершенно исключительное значение. К этому фонду систематически присоединялась в порядке планового комплектования в течение XIX века вся европейская историческая литература, причем часто в таких формах и изданиях, которые были никакой другой библиотеке в России, кроме Императорской Публичной библиотеки, недоступны. Очень большое количество изданий присылалось в Публичную библиотеку бесплатно от государственных организаций и министерств и нигде в других библиотеках у нас в России не могло осесть даже в частичном виде.

Издания ученых обществ, которые выходили часто в малых тиражах, попадали и к нам, и на наших экземплярах очень часто можно прочесть на всех европейских языках — «В Императорскую Публичную библиотеку».

То, что эти издания приходили к нам не случайно, а целыми сериями, составляет самое ценное качество нашего фонда, которое заключается в его серийности и систематичности. Библиотека и сама много выписывала, и на историческую литературу тратилось больше, чем на технику, медицину и естественные науки. Это вполне понятно. Библиотека больше ориентировалась на гуманитарные науки. Таким образом, очень ценные издания всевозможных археологических экспедиций, надписей и так далее, которые представляют собой исключительную ценность, сосредоточились только в Императорской библиотеке.

И так же систематически, и так же тщательно следили заведующие Историческим отделением, которые, как правило, были специалистами в своей области, за источниками, которые необходимы для исследовательской работы²⁹.

Таким образом, мы являемся хранителями и наследниками огромных, накопленных в течение многих десятков лет книжных богатств, которые никогда не должны рассматриваться как фонд библиографический, библиофильский или устаревший. Все это представляет собой несравненный материал, опытный материал исторических исследований, если можно так выразиться.

И, разумеется, сам огромный охват всего этого фонда и его безусловная уникальная ценность должны ориентировать нашу работу по его исследованию, и вот здесь задачи работников библиотеки очень велики и в значительной степени не выполнены. Мы плохо храним этот фонд, потому что не обращаем на него достаточного внимания. Исторический фонд непосредственно Отделения истории кочует по библиотеке уже пятнадцать лет³⁰, не может найти прочного пристанища, и поэтому не может быть ни проверен, ни приведен в ясность. Мы плохо его в свое время, то есть сто лет тому назад, обработали³¹. Когда эта обработка началась, она была выполнена удовлетворительно, и для тех ничтожных по количеству запросов все дополнительные работы, которые проделывались специалистом, себя оправдывали, но эта обработка сейчас недостаточна. Наш каталог на исторические иностранные фонды неудовлетворителен. Для того, чтобы дать возможность пользоваться этим богатством, надо самим его хорошо знать, а мы часто сами еле-еле, совершенно опытным, эмпирическим путем добираемся до этих материалов.

И третий вопрос — вопрос о комплектовании. Комплектование исторической литературой, как и всякой другой иностранной книгой, это — один из самых мучительных вопросов работы Отдела комплектования Публичной библиотеки³². Не говорю о том, что средств, которые обычно отпускаются, просто недостаточно для охвата всего огромного количества исторических материалов, выходящих за границу. Кроме того, за последнее время, особенно после 1930 года, накопилось такое огромное количество совершенно непростительных и тяжелых лакун, что одно выявление этих лакун представляет собой настоящую исследовательскую работу. Таким образом, перед Отделом комплектования, перед тем отделом, который должен и пополнять эти лакуны и все время дополнять наши фонды, стоит огромная задача, к которой надо подойти с чувством полной ответственности и пониманием ее значения.

Такова очень краткая и суммарная, но, как мне кажется, достаточная для настоящего доклада характеристика нашего книжного фонда.

Но книжными богатствами дело не исчерпывается. У нас имеется очень ценный фонд западных рукописей, относящихся к европейской истории. И сам этот фонд, и его история в Публичной библиотеке заслуживают весьма серьезного и пристального внимания. Эти рукописи попали к нам тоже случайно. Не в Петербурге, не в далекой Северной Пальмире можно было рассчитывать, что будут приобретены такого рода неповторимые образцы письменности с V до XIX века, которые хранятся в Рукописном отделе. Основную часть рукописей Отдел получил из коллекции П. П. Дубровского³³. Вчера академик Крачковский в своем докладе³⁴ Дубровского не похвалил, и это —

резонно, потому что восточных рукописей он не знал, для него эти рукописи были чуждыми и попали к нему случайно, он их не искал, они просто попали к нему в руки. Иначе он подходил к западным рукописям. Там он знал, что берет и покупает. Потому эта коллекция почти не имеет хлама. Она так хороша, что из всех коллекций, которые когда-либо вливались в нашу библиотеку, она представляет собой совершенно неповторимое явление, потому что условия, в которых она собиралась, тоже были неповторимые. Она собиралась в Париже, в эпоху Французской революции, когда охрана всех исторических библиотек, всего огромного французского книжного богатства была поставлена плохо, и поэтому Дубровский мог получить такой материал, который ни при каких других обстоятельствах не мог быть отчужден. Вот поэтому мы получили вещи, которые совершенно неповторимы и не имеют цены.

Мы имеем группу рукописей, которая относится к V — X векам, около двухсот рукописей, — и каждая из них не только представляет собой неповторимую ценность, это — материал неисчерпаемой ценности и потому, что на каждом новом этапе истории культуры к этим подлинникам снова и снова обращается мысль ученых и исследователей, и снова рукописи дают ответ на поставленные вопросы, которые не могли поставить исследователи XIX века.

Этот фонд никогда не умрет, и он всегда находится в работе.

Другой фонд, который представляет собой специальный интерес, чрезвычайно большой, — фонд иллюминированных рукописей³⁵. Это необычайной красоты рукописи, которые не увядают в своей прелести. Тут больше работы для искусствоведа, чем для историка, потому что тексты, которые они содержат, известны и не представляют большого интереса, но внешнее оформление рукописей — не только их прекрасные миниатюры, но все, начиная от переплета и кончая мелочами, — неповторимо по своей значимости.

И, наконец, третья группа, которая для историков представляет большой интерес, это так называемые «иностранные автографы»³⁶, то есть документы, которые относятся к истории XVI — XVII — XVIII и начала XIX веков. Эти документы у нас имеются не в десятках, а в десятках тысяч экземпляров. Благодаря Дубровскому, у нас собралась великолепная серия материалов, которые относятся, главным образом, к истории Франции, отчасти Англии и Германии XVI — XVII веков. У нас есть материал, который французскими историками был совершенно правильно назван «золотыми россыпями», потому что в них скрыты не только отдельные эпизоды, а иногда просто смысл и значение даже больших периодов в истории Франции.

Историю Франции со второй половины XVI века нельзя изучать без учета наших материалов. Историю Франции середины XVII века, последние годы правления Ришелье, нельзя изучать без ленинградских материалов. Этого совершенно достаточно для того, чтобы охарактеризовать их ценность.

Другая коллекция — графа П. К. ван Сухтелена³⁷. Сухтелену мы обязаны тем, что в наших стенах хранится Вестфальский архив, то есть архив целого Вестфальского королевства. Этот архив был отбит во время войны 1814 года казаками и попал в руки Сухтелена, затем перешел к нам. Его история на многих этапах загадочна. Но все же весь фонд, кроме части, которая хранится в Берлине, находится у нас. Для того, чтобы охарактеризовать этот архив, достаточно сказать, что он прежде всего ценен в плане изучения наполеоновской эпохи в Европе. В нем представлен материал, исключительно интересный для политической и социальной истории.

До Октябрьской революции эти материалы лежали втуне. На Западе о них знали, но в нехорошей информации, потому что целостность этих материалов и фондов была значительно разорвана благодаря не всегда правильным сведениям немецких и французских ученых.

Правильно было бы сказать, что по-настоящему изучение и освоение этих фондов началось после Великой Октябрьской революции. В это время, особенно во время директорства академика Марра³⁸, в Рукописном отделе была проведена огромная работа по предварительному учету. У нас есть, таким образом, та база, на которую мы можем встать и на которой мы можем дальше работать по освоению этих материалов. Освоение займет много времени. Не надо обольщать себя надеждой, что в пять-десять лет мы сможем обработать наш фонд. На это уйдут силы не одного человека, и потребуется для этого не один десяток лет. Но это обязательно надо сделать. Прежде всего, это — наш долг перед всемирной историей, и, кроме того, это сама по себе необходимая работа.

Таким образом, в части рукописей мы имеем материал, которого в других библиотеках не может быть, потому что только в Публичной библиотеке собиралось то, что имело значение для истории всеобщей и для отдельных вопросов. Уникальность этих фондов полная, они не повторены нигде.

Это не значит, что в любом исследовании можно ориентироваться только на нашу библиотеку. Вообще и в Москве работают и удовлетворяются московскими фондами, но я подчеркиваю, что для полного, настоящего, научного исследования наши фонды совершенно обязательны. Это значит, что необращение к ним со стороны советского историка оставит в его работе заметный и досадный пробел.

Итак, этих материалов вполне достаточно для того, чтобы выполнить ту задачу, которая стоит перед советской исторической наукой. Мы можем пересмотреть заново всеобщую историю. Мы можем это сделать, для этого есть все возможности и данные, есть для этого материальная база. Надо только очень тщательно выполнить предварительную работу, и это — задача библиотекарей Публичной библиотеки.

Мы живем в эпоху, которая насыщена историей, как никогда. Мы так привыкли к словам «историческое выступление», «историческая задача», что они стали нормальным явлением в нашей жизни. Но мы, кроме того, историчны в том смысле, что самое сознание двигающейся с нами рядом истории присуще нам, как никакому другому поколению. Сознание историчности переживаемого времени у всех народов появилось не сразу, оно росло и развивалось постепенно. В этом отношении наша эпоха является наиболее насыщенной, по сравнению с другими эпохами. Поступь истории нам слышна повседневно — и в наших переживаниях, и в страданиях, и в опасностях, и в победах. Когда-нибудь о нашей эпохе историки напишут самые взволнованные, самые замечательные страницы. И эти книги достойно дополняют то огромное богатство, которое собрали наши предшественники и которое используют наши ученые для создания всеобщей истории, истории всего мира, всех людей.

Примечания

¹ См. с. 159 наст. изд.

² См.: *Люблинская А. Д.* Источниковедение истории средних веков. Л., 1955; *Ее же.* Латинская палеография. М., 1969.

³ Александр Христофорович Вольпер (1894 — 1970) — историк, библиотековед; в ГПБ с 1936 по 1944 годы (в 1936 — 1941-м директор библиотеки, с 1941 по 1944 годы — директор ее Мелекесского отделения). О нем см.: *Чурсин В. Д.* Вольпер Александр Христофорович // *Сотрудники Российской национальной библиотеки...* Т. 3. С. 134 — 136.

⁴ См. с. 158 наст. изд.

⁵ Владимир Эммануилович Банк (1876 — 1942) — историк, библиотековед, библиограф; в ИПБ (РПБ, ГПБ) с 1898 по 1942 годы (с 1906-го по 1924-й возглавлял Отделение истории). О нем см.: *Грин Ц. И.* Банк Владимир Эммануилович // *Сотрудники Российской национальной библиотеки...* Т. 1. С. 67 — 71.

⁶ ОАД РНБ. Ф. 2, оп. 3, 1944, д. 3. Л. 3 — 3 об.

⁷ Люблинская защитила диссертацию на ученую степень доктора исторических наук в ЛГУ в 1951 году.

⁸ *Люблинская А. [Д.]*. Иностранные исторические фонды Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина // *Исторический журнал* (М.). 1944. Кн. 12 (136). С. 88 — 89.

⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97, оп. 3, д. 1134.

¹⁰ См. с. 209 наст. изд.

¹¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97, оп. 3, д. 1134. Л. 8 — 8 об.

¹² Там же. Л. 8 об.

¹³ См. с. 154 наст. изд.

¹⁴ Арх. СПбФ ИРИ РАН. Западноевроп. секция. Ф. 13, оп. 2. Материалы служебной деятельности. Папка 1. Здесь и далее курсив Люблинской.

¹⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97, оп. 3, д. 1134. Л. 8 — 8 об.

¹⁶ См. с. 185 — 211 наст. изд.

¹⁷ Тема истории Англии была традиционна для Московского университета. Изучению английской истории посвятили свои труды такие выдающиеся московские исследователи, как П. Г. Виноградов и А. Н. Савин, а также Д. М. Петрушевский, Е. А. Кислинский, А. Я. Гуревич, Т. Г. Песоцкая и другие. Особое внимание в 1930-е и 1940-е годы уделялось истории развития английской деревни.

¹⁸ Александр Николаевич Савин (1873 — 1923) являлся профессором Московского университета, специализировался на истории Англии и в частности английской буржуазной революции XVII века.

¹⁹ Павел Гаврилович Виноградов (1854 — 1925) являлся академиком, преподавал в Московском университете, специализировался на средневековой английской истории, написал ряд работ, которые в Великобритании считаются классическими.

²⁰ Федор Иванович Успенский (1845 — 1928) являлся академиком, специализировался на истории Византии, написал «Историю Византийской империи» в четырех томах.

²¹ Александр Александрович Васильев (1867 — 1953) был историком-византистом и арабистом, считается основоположником византиноведения в США.

²² Люблинская имеет в виду речь об А. С. Пушкине, произнесенную Ф. М. Достоевским на торжественном заседании Общества любителей российской словесности 8 июня 1880 года и позднее включенную им в его «Дневник писателя». В частности, Достоевский сказал в этой речи: «<...> Что такое сила духа русской народности как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности? <...> Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только <...> стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите. <...> Наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей» (*Достоевский Ф. М.* Собр. соч.: В 15 т. СПб., 1995. Т. 14. С. 438 — 439. Курсив Достоевского).

²³ Отделение истории как отраслевое подразделение было выделено с первых дней существования библиотеки, как структурное — возникло во 2-й половине XIX века и просуществовало до 1930 года. В него входили книги и периодические издания по истории, географии, статистике, а также карты. После реорганизации ГПБ в 1930 году это

подразделение почти полностью вошло в Иностранный фонд, ставший составной частью Отдела фондов и обслуживания.

²⁴ Бывшее Юридическое отделение, куда входила литература по юриспруденции, экономическим и социальным наукам.

²⁵ Бывшее Богословское отделение, а также I (Антирелигиозное) отделение ГПБ, основой для которого стала поступившая в 1918 году библиотека Петербургской (Петроградской) Духовной академии.

²⁶ Отделения философии и полиграфии, как и вышеназванные, составили часть Иностранного фонда ГПБ.

²⁷ В 1928 году руководство библиотеки приняло решение создать (по аналогии с Отделением «Rossica») Отделение «Slavica», для сбора литературы по славянской тематике. Организация этого подразделения была поручена видному ученому-слависту Н. С. Державину. В 1930 году Отделение «Slavica» было упразднено.

²⁸ См. с. 41 наст. изд.

²⁹ Последним заведующим Отделением истории был В. Э. Банк (см. с. 226 наст. изд.).

³⁰ Когда в 1930 году была изменена структура библиотеки, Отделение истории покинуло XII и XIV залы. Ныне в них располагаются читальные залы литературы и искусств и социально-экономических наук.

³¹ Систематический каталог Отделения истории был начат в XX веке, но наиболее интенсивная часть работы пришлась на 1922 — 1926 годы, когда в названное подразделение пришли молодые историки (супруги В. С. и А. Д. Люблинские, М. А. Гукковский, Н. Д. Шайтан и некоторые другие).

³² С проблемами комплектования Люблинская столкнулась в Москве в 1943 году, когда по поручению АН СССР работала над выставкой и докладом о И. Ньюtone. В 1943-м она была зачислена в Отдел комплектования и, находясь в Москве, занималась отбором книг для ГПБ.

³³ Петр Петрович Дубровский (1754 — 1816) приобрел около 700 западноевропейских рукописей, которые по большей части происходят из монастыря Сен-Жермен де Пре. См.: *Луизова Т. В.* Собрание рукописей П. П. Дубровского в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // *Вопросы истории* (М.). 1952. № 8. С. 150 — 154.

³⁴ Имеется в виду доклад «Роль Рукописного отделения Публичной библиотеки в истории русского востоковедения» И. Ю. Крачковского (см. с. 157 наст. изд.).

³⁵ Рукописи с миниатюрами.

³⁶ Среди «автографов» — письма государственных и политических деятелей Франции, начиная с XVI века, которые являются ценным историческим источником.

³⁷ См. с. 43 наст. изд.

³⁸ Николай Яковлевич Марр (1864 — 1934) — востоковед, лингвист; в РПБ (ГПБ) в 1924 — 1930 годах (директор библиотеки), академик РАН (1912). О нем см.: *Голубева О. Д.* Марр Николай Яковлевич // *Сотрудники Российской национальной библиотеки...* Т. 2. С. 428 — 433; *Ее же.* Н. Я. Марр. СПб., 2002; и др.